

ИСТОКИ ПОСТМОДЕРНА О ПОДЛИННОМ СМЫСЛЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ПОСТПРАВА

© 2021 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.09.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены культурологические истоки постмодерна с целью установления подлинного смысла и предназначения разрабатываемого на его основе постправа. По результатам исследования не найдено доказательств принадлежности постмодерна к общекультурным феноменам современности, довод, о чем часто используется в качестве веского аргумента для разработки постправа и его введения в научно-практический оборот. Выявлено отношение постмодерна к субкультуре протеста. Разбор обрисуемых постмодерном предпосылок убедил в отсутствии у него позитивной для социума повестки дня, а у постправа – нечто нового и антикризисного.

И постмодерн, и производное от него постправо являются формами нигилизма и терминологически могут использоваться только для подчеркивания характера разрыва некоторых групп общества с действующими в нем смыслами и традициями. Изучение последствий адаптации постклассических идей в юриспруденции позволило обнаружить, что они утверждают в правосознании представления о классических антиподах права как его новейших ценностях, а правоприменение возвращают во времена, когда в юстиции господствовало объективное вменение.

Ключевые слова: постмодерн, постправо, традиции, протест, культура, субкультура, релятивизм, плюрализм, контекстуализм, конструктивизм.

Цитирование: Бочкарёв С.А. Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа // Государство и право. 2021. № 11. С. 24–36.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16151 мк.

DOI: 10.31857/S102694520016773-1

THE ORIGINS OF POSTMODERNISM ABOUT THE TRUE MEANING AND PURPOSE OF POST-LAW

© 2021 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 16.09.2021

Abstract. The article examines the cultural origins of postmodernism in order to establish the true meaning and purpose of the post-law developed on its basis. According to the results of the study, there is no evidence that postmodernism belongs to the general cultural phenomena of modernity, the argument about which is often used as a strong argument for the development of post-law and its introduction into scientific and practical circulation. The attitude of postmodernism to the subculture of protest is revealed. The analysis of the prerequisites that form postmodernism convinced him that he does not have a positive agenda for society, and the post-right has something new and anti-crisis.

Postmodernity and the post-law derived from it are forms of nihilism and can only be used terminologically to emphasize the nature of the gap between certain groups of society and the meanings and traditions operating in it. The study of the consequences of the adaptation of postclassical ideas in jurisprudence has revealed that they affirm in the legal consciousness the ideas of the classical antipodes of law as its newest values, and law enforcement returns to the times when objective imputation prevailed in justice.

Key words: postmodern, post-law, traditions, protest, culture, subculture, relativism, pluralism, contextualism, constructivism.

For citation: *Bochkarev, S.A. (2021). The origins of postmodernism about the true meaning and purpose of post-law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 24–36.*

Социально-правовой мир в условиях усложнения, ускорения и изменения

В современной научной литературе отмечается, что социальный мир существенно усложнился¹, а происходящие в нем и с ним процессы приобрели динамику². «Усложнение» и «ускорение» стали двумя ключевыми показателями, которые практически ни у одной отрасли знания, занимающейся исследованием общества, не вызывают сомнений при определении его текущего состояния. Вслед за расшифровкой и диагностированием названных качеств получили развитие «динамические», «интегративные», «синергетические» и другие концепции правопонимания, стремящиеся зафиксировать и описать возникшее положение права.

Но «усложнение» и «ускорение» пришли в мир социально-правового не одни. Их возникновение лишь засвидетельствовало появление более главного – широкого фронта изменений. Как отмечал Д. Харви, «в культурных, а также в политико-экономических практиках произошли глобальные перемены»³. По этому поводу не только в гуманитарных, но и в технических науках почти единогласно утверждается, что «мир быстро и кардинально изменился»⁴. И мало того, что эти качества сами являются признаками некоторой и уже состоявшейся измененности, так они еще от своих адресатов требуют изменений. Наложение одних изменений

на другие привело к их умножению или к экспоненциальному росту, что запустило в действие механизм тотальной трансформации, не имеющей предсказуемой траектории движения и ожидаемого конечного результата.

В итоге изменение стало очередной чертой современности. Затянувшийся период модификаций начал воздействовать не только на окружающую человека обстановку, но и на самого человека. В частности, на познавательную деятельность исследователей, пришедших к выводу об изменчивости как о базовом принципе существования мира, в т.ч. правового, его непостоянности, дискретности и нарративности. Перманентная изменчивость и вытекающая из нее неопределенность привели к появлению и обоснованию в науке феномена «динамической турбулентности»⁵ как беспорядочного ускорения.

Таковы самые общие и почти бесспорные черты настоящего и будущего. К ним как к источнику вдохновения часто прибегают специалисты для познания причин деформации социального, выявления точек его опоры, принципов функционирования и драйверов. Их же используют для выявления правовых трендов, поиска модифицированного образа человека и конструирования новой правовой модели.

Работа над отмеченными характеристиками принесла некоторые плоды. Сформировалось, условно говоря, две группы взглядов. Их объединяет магистральный вывод о кризисе, объявленном практически каждой отраслью знания, и о необходимости поиска нового как способа выхода из кризиса. В правоведении, например, утверждается о беспрецедентной инфляции «правовых ценностей», «правовой мысли», «правовой традиции» и «структуры правопорядка»⁶. В политологии заявлено о кризисе управляемости и государственной

¹ См., напр.: *Simon H. How Complex are Complex Systems? // Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / ed. F. Suppe, H. H. Asquith. East Lansing (Mich.): Philosophy of Science Association, 1976. Vol. 2; Cherniak C. Minimal Rationality. Cambridge, 1986; Gottinger H. W. Coping with Complexity. Dordrech and Boston (Mass.) D. Reidel, 1983; Flood R. L. Dealing with Complexity. N.Y., 1988; Calude C. Theories of Computational Complexity. Amsterdam and New York, 1988.*

² См., напр.: *Форрестер Д. Мировая динамика. М.; СПб., 2003.*

³ *Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021. С. 41.*

⁴ *Малинецкий Г. Г., Кульба В. В., Ахромеева Т. С., Посашков С. А. Императивы новой реальности. Судьба капитализма. Риски информационного и биологического пространства // Проблемы управления безопасностью сложных систем: материалы XXVIII Междунар. конф., 16.12.2020 г., Москва / под общ. ред. А. О. Калашникова, В. В. Кульбы. М., 2020. С. 12.*

⁵ *Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / пер. с англ. А. Гусева, Р. Хаиткулова; под науч. ред. И. Чубарова. М., 2014; Casti J. Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems. N.Y., 1979.*

⁶ *Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 48.*

состоятельности, кризисе системы мировой политики, экономики и отношений⁷. Наступило время вести речь о «кризисе современной цивилизации»⁸ и заниматься поиском новых стратегий развития⁹.

В экономической науке отмечается, что неоклассическая парадигма, господствующая в хозяйстве большую часть века, доведена до высокого уровня теоретического и аналитического совершенства. Однако, несмотря на ее интеллектуальный блеск, признано, что неоклассическая экономика весьма ограничена в своих допущениях, стеснена собственной механикой и обладает ограниченной способностью к объяснению. В связи с этим она подвергнута активной критике как изнутри, так и извне. Предложено избрать более широкий взгляд на дискурс экономики¹⁰, выступить с критикой социального государства и связанных с ним принципов равенства и социальной справедливости, обратиться к провокационным темам архаического наследия, генетической детерминации, врожденных аномалий и на их почве канонизировать принцип естественного неравенства и с его помощью создавать архитектуру взаимного сотрудничества¹¹.

Если говорить точнее, то специалисты первоначально заявили о появлении в сфере социального новых качеств, интересов и потребностей. Затем объявили о кризисе прежних институтов, механизмов, процедур и принципов ввиду их неспособности отвечать требованиям и запросам наступающего «нового», функционировать в ускоренном и усложненном темпе. В итоге вывели необходимость идентификации нового и «конструирования новой модели реальности» для планирования и прогнозирования последствий «новой жизни»¹².

В остальном, или по вопросам о том, что есть «кризис» и «новое», как их нужно воспринимать, оценивать и что из нового нужно поощрять и воплощать в жизнь, сформировавшиеся взгляды расходятся.

⁷ См.: Якунин В.И. Устойчивость политических систем в условиях развивающегося кризиса // Росс. журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1 (6). С. 21–31.

⁸ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

⁹ См.: Стёпин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018; Его же. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 9.

¹⁰ См.: Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. 2-е изд. М., 2018.

¹¹ См.: Болыц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько. 2-е изд. М., 2019.

¹² Руднев В.П. Новая модель реальности. М., 2016.

Одни под «новым» подразумевают переход социального из одного состояния в другое. Ведут речь об ухудшении или улучшении его качеств, их развитии, стагнации либо деградации. В базовом плане для них ничего не изменилось, и вряд ли что-либо может принципиально трансформироваться. В связи с этим формулируются очередные гуманитарные стратегии. Разрабатываются концепции устойчивого развития.

Другие под «новым» понимают возникновение того, чего раньше не было, и предлагают радикализировать взгляд на социальное. В связи с этим заявляют о небывалом доселе разрыве со старым как об объективной социальной данности и свершившемся факте. Хотя для подтверждения возникновения «нового» они часто модифицируют действующее понятие «нового». Тотально пересматривают прежний терминологический аппарат и при формулировании обновленного содержания того или иного понятия неуклонно стараются соблюсти принцип отказа от ненового. В ряде случаев проясняется одержимость. Отказ от прежних взглядов и подходов должен состояться, несмотря на очевидность и общепризнанность их достоинств.

Юридическая мысль и вирус радикализма

Юридическая мысль развивается в общенаучном контексте. Одни уравновешенно признают наступление новой реальности¹³, фиксируют отражение наступающих изменений в правовой сфере и высказываются о науке, занимающейся поиском ответов на очередные вызовы¹⁴. Другие констатируют наступление кризиса права¹⁵, вносят предложения по модернизации науки¹⁶ и ожидают наступления перемен на уровне конкретных отраслей права¹⁷. Третьи подхватили вирус радикализма и породили так называемые постмодернистские представления о праве¹⁸.

На фоне усложнения современных обществ появились требования о пересмотре ключевых положений политико-правовых учений. Необходимость их трансформации объясняют появлением новых

¹³ См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 5–16.

¹⁴ См.: Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. 2013. № 2. С. 181–191.

¹⁵ См.: Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал рос. права. 2013. № 8 (200). С. 43–54; Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2. С. 130–134.

¹⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.

¹⁷ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

¹⁸ См., напр.: Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.

видов коммуникаций, создающих видимость консенсуса и угрожающих разрушением ценностей, традиционно связываемых с демократией¹⁹. Предлагают впредь забыть о власти, о которой Т. Парсонс говорил как о сфере компромисса и коллективного действия, «способности выполнять функцию в обществе и для общества как системы». Либо о власти, о которой Х. Арендт писала, как о форме выражения собранности, общности и согласованности определенной группы людей. Предлагают выстраивать власть и выводить морально-правовые суждения об устройстве общества не на основе компромисса и не с целью преодоления с помощью власти конфликта интересов, а на базе принципа воздействия А на Б без учета и даже вопреки интересам Б²⁰.

В конечном счете постмодернисты формируют и вводят в научно-практический оборот образ постправа, основанного на принципах релятивизма, плюрализма, контекстуализма и конструктивизма. Сферой обитания этого права, по замыслу его идеологов, выступает языковая среда, отличающаяся своей релевантностью и фактичностью. Прямое предназначение постправа состоит в создании коммуникации как средства построения вариативного и эсхатологичного правопонимания, отвечающего требованиям повседневности, ситуативности и практичности. Должное как нечто принуждающее и терроризирующее впредь исключается из права. Охраняемые правом ценности, в том числе мир и порядок, выводятся за его скобки как недостижимые и мифологизированные цели. Оно не может быть направленным на что-либо или кого-либо, на достижение какого-либо результата (например, порядка), чтобы не быть уличенным в предвзятости и заинтересованности. Его удел состоит в работе с фрагментарным, которое само для себя и в рамках сиюминутного диалога конструирует норму поведения определенной локации.

Если говорить словами С. Джеймисон, то постправу надлежит функционировать с «нечто неживым – раздробленным на атомы обществом, лишенным тепла и уюта, с самым настоящим хаосом механических связей»²¹. Таким же неживым будет само постправо, в котором и для которого, если доверять прогнозам и утверждениям О. Шпенглера, не будет существовать «абсолютно правильных или ложных точек зрения»²².

¹⁹ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина, Н.В. Эдельмана, М.А. Юсима. М., 2010.

²⁰ См.: Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. М., 2010.

²¹ Цит. по: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2002.

²² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 155.

Возникновение постправа и необходимость его социальной адаптации объясняется совокупностью причин. Во-первых, общекультурным фоном, претерпевающим кардинальные и принципиальные изменения. Во-вторых, тотальной и социально-психологической разочарованностью прежними государственно-правовыми институтами и укладами. В-третьих, глубоким кризисом правовых систем, ценностей и порядков, не отвечающих наступившим трансформациям. В-четвертых, готовностью постмодерна радикально поступить с «прежними аксиомами», предложить оригинальный путь выхода общества из кризиса и обеспечить его переход в сферу «нового».

Исследование заявленных оснований привело к сомнению в том, что постмодерн и постправо как его составная часть являются общекультурными феноменами, а их фундирующим социально-психологическим базисом выступает разочарованность в идеях и идеалах модерна, т.е. традиционных ценностях. Разбор образующих постмодерн дискурсов убедил в отсутствии у него позитивной для социума повестки дня, а у постправа – нечто нового и антикризисного. При работе с каждым из отмеченных факторов обнаруживается, что постмодерн как тип мышления не ищет выход из наступивших кризисов, а целенаправленно драматизирует состояние социальной реальности, дискредитирует и демонизирует действующие мотиваторы жизнедеятельности. Если науки ведут речь о кризисах, то постмодерн – о смертях (Логоса, Прогресса и т.д.). В этом плане он активно использует метод преувеличения пороков модерна для самоутверждения и восхваления.

В рамках данной статьи речь не сможет пойти о всей совокупности вышеприведенных факторов, поскольку каждый из них представляет собой масштабное, сложное и многофакторное событие, имеющее, как утверждают последователи постклассики, прямое отношение к генезису постмодерна. Их верификация на предмет обоснованности причисления к детерминантам постправа требует применения к ним сосредоточенного, в меру автономного и поочередного подхода. Поэтому здесь дискуссия коснется только состоятельности претензии постмодерна на статус общекультурного феномена, т.е. того, является ли постправо продуктом культуры и реально ли существует потребность в его разработке для имплементации присущих ему принципов и механизмов в правоприменительную сферу. Или постправо есть ложная и отвлекающая в научно-практическом смысле цель? Исследование истоков постправа способно прояснить картину и получить искомые ответы.

Постмодерн и Некультура

Связь постмодерна с искусством и его происхождение из сферы творчества не вызывает сомнения. Данного обстоятельства нередко оказывается достаточно для вывода о принадлежности постмодерна к культуре. В качестве подтверждения культурологического генезиса ссылаются на то, что образующие постмодерн идеи проявили себя и в живописи, и в архитектуре, где были обнаружены эстетикой и восприняты в качестве стилеобразующего принципа. Тем не менее достижение постмодерном статуса общекультурного феномена значительно гиперболизировано. Упускается, что его распространение в других видах искусства зачастую происходило в порядке подражания и, как отмечает Ю.Н. Давыдов, бессознательно, из «стремления найти у себя нечто, аналогичное стилистическим устремлениям архитектуры»²³. А внимание эстетики к постмодерну механически преумножило к нему интерес и кратно увеличило сферу его распространения, поскольку сама эстетика является весомой частью философии. Не учитывается также то, что обзор известных источников в отечественной и зарубежной литературе в области юриспруденции не подтверждает генезис темы из научно-практической жизни конкретных отраслей права, т.е. из тех сфер общественных отношений, где социально-правовая жизнь возникает, протекает и реализуется. Эти области как составные и неотъемлемые части правовой культуры и культуры в целом не выступали инициаторами постклассического переосмысления права и поставщиками идей для этого процесса.

В качестве примера, противоположного заявленному тезису, могут привести работы Я.И. Гилинского и других представителей «радикальной криминологии». Однако знакомство с их произведениями убеждает в том, что авторы, превосходно обладающие большими эмпирическими данными о современности, не выводили из нее некий постмодерн, возможно как феномен девиантной культуры, а целенаправленно вводили его в научно-практический контекст как теоретический концепт для объяснения наблюдаемых в реальности тенденций. Ученые не обнаруживали и не доказывали существование постмодерна, а обратились к нему как к нечто уже диагностированному, сформулированному и неоспоримому.

Я.И. Гилинскому, например, оказалось достаточно продекларировать о развивающемся человечестве, изменяющемся обществе и научных представлениях о нем, чтобы умозаключить о том, что «с конца XX века мы все живем в новой

²³ Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна» // Соц. исследования. 2001. № 11. С. 3.

общественной формации – обществе *постмодерна*». Криминолог прямо указал, что прибег к теории постмодерна, поскольку «традиционные представления о преступности, криминогенных факторах, социальном контроле над преступностью, включая наказание, все меньше и меньше соответствуют социальным реалиям». С помощью нового теоретического дискурса криминолог «пытался нащупать современное отношение к преступности и социальному контролю над ней»²⁴. То есть он не «шупал» само отношение к преступности, а прибегнул к заранее выработанному теоретическому концепту, который уже содержал в себе образ искомого ощущения и смог привести именно к предзаданному ощущению без самого ощущения.

Когда специалисты заявляют, что «неокриминология лишь последовательный этап развития криминологии», а «предмет неокриминологии в значительной степени повторяет предмет традиционной криминологии, но с некоторыми уточнениями», то они фактически признают, что действуют в пределах классического контекста и занимаются в основном переинтерпретацией прежних терминов и понятий. Что касается претензии ученых на создание «радикальной онтологии», то нужно признать, что в этом предложении нет ничего нового, а их самих следует отнести к последователям Л.Н. Толстого. Утверждения о преступности, «которой не существует онтологически», и том, что она является рукотворным порождением государства очень близки по своему содержанию и духу мыслям великого писателя. Симпатизируя Дж. Тукеру и П.-Ж. Прудону, он вслед за ними считал, что «государство создает преступников быстрее, чем их наказывает». Именно оно «сначала издает множество законов, порождающих преступления, а потом издает еще больше законов для того, чтобы наказать за эти преступления»²⁵.

В конечном итоге подавляющее большинство авторов широко известных произведений о «праве в эпоху постмодерна» за источник вдохновения брали не столько правовой опыт, вытекающие из него вызовы и проблемы, сколько художественные и искусствоведческие наблюдения, а также философские выводы об особенностях современности. В качестве отправной точки часто используют суждения Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко, Ж. Дерриды, М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Ф. Ницше, Ж. Бодрийера, Р. Барта, Р. Рорти и др.

Одним из примеров выступают суждения А.В. Стовбы, который, опираясь на М. Хайдеггера,

²⁴ Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021.

²⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 2016. Т. 45. С. 255–277.

заявил о необходимости разработки «радикальной онтологии», основывающейся на отсутствии в бытии унифицированных критериев для квалификации правовых феноменов и на присутствии в нем конкретных происшествий, выступающих единственно реальным источником времени и бытия²⁶. Другим примером служит позиция И.Л. Честнова. Поддерживая эпатажность постмодернизма и тезис о смерти субъекта, он базировал свою позицию на суждениях французского литературоведа Р. Барта, заявившего о смерти автора, и на взглядах его коллеги М. Фуко, утверждавшего о старании автора в пользу форм, свойственных дискурсу²⁷. Далее специалист прямо отметил, что «релятивизм права обосновывается философским релятивизмом, сформулированным в середине XX в. в аналитической философии»²⁸.

Таким образом, источником так называемого постправоведения выступает, как утверждает, социально-философская мысль. В этом, казалось бы, нет ничего предосудительного. Названная мысль в тесном взаимодействии с общей теорией права всегда служила делу выявления, определения и обоснования базовых оснований права. Она и в этом случае, как гарантируют новаторы, должна способствовать лучшему и правильному пониманию реальности. Но их заверения не отвечают на вопросы о том, где и когда философско-правовая мысль «переварила» в себе постмодернизм. При каких обстоятельствах она санкционировала запуск сообразующихся с ним идей в сферу юриспруденции, верифицировала их на предмет соотносимости с правом, приемлемости для права и применимости в праве? На основании какого жизненного или экспериментального опыта рассматриваемая мысль убедилась в годности и готовности «радикальной онтологии» служить укреплению правовых ценностей, традиций и правопорядка в целом, о кризисе которых на исходе XX в. вещал Г. Дж. Берман, либо способствовать избавлению от скептического отношения к науке и к научному знанию о праве, в частности, по отношению к которому еще в начале XX в. Б.А. Кистяковский фиксировал наступление массового разочарования?²⁹

Или таких целей «радикальная онтология» перед собой не ставит? Если это так, то когда и в силу каких причин эта «онтология» сняла их с повестки дня? И какие задачи новая онтология перед собой

ставит? Или безапелляционное и неоговоренное отклонение заданных вопросов есть отличительная черта постмодерна, его «первое слово» и «пример для подражания» в культуре научного поиска? Либо постмодерн выступает источником нецелевой, безадресной и, в некотором роде, бессмысленной онтологии?

Названные вопросы деактуализированы, поскольку их постановка направлена на поиск рационального или разумного обоснования, что постмодерн категорически исключает из сферы своего интереса. «Главной формой существования постмодернистской культуры, — как отмечает В.Н. Волков, — становится эстетическая форма. Эмоциональные и эстетические ориентации приобретают большее значение, чем рациональные»³⁰. В связи с этим выглядит не случайным, что мы не обнаруживаем искомого философско-правового осмысления заявленных вопросов, тем более с обозначенных Г. Дж. Берманом и Б.А. Кистяковским позиций. Их отсутствие еще объясняется тем, что далеко не каждый из упомянутых модераторов постмодерна занимался вопросами права. От большинства из них узнаем, что они не редуцировали из собственной исследовательской практики образующие постмодернизм идеи, а первоначально обратили на них внимание и заимствовали для осмысления на просторах философии в том виде, как они были представлены в музыке, хореографии, архитектуре, литературе и других сферах искусства.

Юридическая мысль идет по схожему пути. В лице своих конкретных представителей она заглядывает в художественные определения и пытается отыскать у себя что-то подобное. Либо ассимилировать в собственном терминологическом ряду наиболее удобные понятия для доказательства принадлежности «создаваемого» ими постправа или, иными словами, «современного правоведения» к некоей общей стилеобразующей тенденции. При этом упускается, что никаких прямых и машинальных заимствований из сферы искусства быть не может, поскольку она состоит из уникальных видов человеческого языка, которые, по свидетельству Т.В. Черниговской, почти непереводаемы на другие языки, имеют «иную систему видения мира» и «особую систему кодировки» в сознании человека³¹.

Совершенно игнорируются и те социально-философские работы, в которых объяснено, что постмодерн имеет отношение, как писал Ж. Бодрийяр,

²⁶ См.: *Стовба А.В.* Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 35, 39.

²⁷ См.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 58–60.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ См.: *Кистяковский Б.А.* Проблема и задача социально-научного познания // Вопросы философии и психологии. М., 1912. Кн. 112.

³⁰ *Волков В.Н.* Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3–8.

³¹ См.: *Черниговская Т.В.* Языки человека: мозг и культура // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации / под науч. ред. Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина, О.В. Заширинской. СПб., 2016. С. 13.

не к культуре, а к моде или к т.н. массовой культуре. Если говорить точнее, то к поп-арту, который никогда не относили к традиционному искусству. Поэтому в основе постмодерна, как в основе моды, лежит принцип устаревания предметов или, как в основе массовой культуры, — устаревания традиционных ценностей. К этому же выводу пришли Ф. Джеймисон и его последователь П. Андерсон³². Попытавшись отыскать истоки постмодерна и дать ему сбалансированную оценку, они отметили, что постмодерн является массовым в господствующем мире моды и массмедиа³³.

В целях преодоления комплекса недооцененности со стороны классической культуры постмодерн решил в лучших традициях своего основного приема по «переворачиванию» поменять местами традиционную культуру с массовой культурой и на своем уровне утвердить новое положение вещей. Через приобщение к «наименьшей культуре», как ее назвал сам мыслитель, постмодерн создает в массовом сознании симулятивное представление о приобретении человеком «культурного гражданства». В общем термин культура «здесь используется по недоразумению», справедливо заключил Ж. Бодрийяр³⁴.

Постмодерн и его связь с субкультурой протеста

Одним из первых слово *postmodernismo*, подкачивает американский теоретик литературы И. Хассан, использовал Федерико де Онис в своей «Антологии испанской и латиноамериканской поэзии», опубликованной в 1934 г. В 1942 г. Дадли Фиттс употребил его в «Антологии современной латиноамериканской поэзии». Оба подразумевали и выражали через этот термин протестную реакцию на модернизм, присутствующую внутри него с начала XX в. Некоторые исследователи ставят постмодерн в иные хронологические рамки. Чаще всего находят более ранние примеры противопоставления мыслителями своих взглядов тем мировоззренческим установкам, которые считались общепринятыми в период развития модерна³⁵.

В этом плане в появлении постмодерна нет ничего необычного. Каждая эпоха рано или поздно порождает своих антагонистов. Это происходило либо совместно со становлением самой

эпохи и сопровождало ее до момента исхода, либо на определенном этапе отклонения эпохи от целей, изначально считавшихся компромиссными. Но здесь важно не допустить ошибки и не отождествить постмодерн с модерном, который в свое время пришел в жизнь на фоне противопоставления недостаткам феодального общества и на смену ему. В отличие от модерна, как покажет исследование, постмодерн не является очередной и сменяющей модерн парадигмой. Он есть его составная и самоотрицающая часть, которая не несет для общества положительной повестки дня и не является его искомым будущим. Если говорить точнее, то постмодерн есть характерная для модерна форма нигилизма. Если модерн утверждает вполне определенные просветительские ценности, то постмодерн отрицает, заявляет об их смерти.

Более того, до появления в XX—XXI вв. постмодернизма в истории модерна был авангардизм, который относится к искусству XIX—XX вв. и чаще определяется как наиболее радикальная форма модернизма. У авангарда, как отмечают специалисты, нет четкого стиля. Подход авангардистов в свое время, как и постмодернистов сегодня, сводился к отрицанию традиционного общественного уклада и стремлению к радикальным переменам в искусстве³⁶. Как и постмодернизм, родственный ему авангардизм «не представлял собой последовательно выстроенной системы эстетических постулатов, отличался подвижностью границ и плюрализмом, существуя в виде многочисленных школ и направлений, воплощающих собственные программы»³⁷.

Русский авангард формировался по схожему сценарию. Формировался за счет провозглашения в начале XX в. решительного отказа от классических норм и принципов искусства³⁸. При этом темп смены художественных тенденций был крайне высок: на протяжении творческого пути мастера авангарда не единожды меняли свою живописную манеру и выступали авторами собственных концепций и манифестов. Кроме того, авангардисты смело экспериментировали с материалами и средствами выразительности: упрощали формы, утрировали цвета, использовали техники коллажа и ассамбляжа, komponуя на плоскости объемные предметы. Считается,

³² См.: Anderson P. The Origins of Postmodernity. L., N.Y., 1998. P. 84–88.

³³ См.: Jameson F. Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 413, 414.

³⁴ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М., 2006. С. 136–138.

³⁵ Известно, например, что в 1939 г. А. Тойнби обозначил постмодерном этап, открытый окончанием Первой мировой войны, а в 1946 г. отодвинул его границы далее в XIX в., назвав переломным моментом середину 70-х годов названного столетия.

³⁶ См.: Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М., 2003; Poggioli R. Teoria dell'arte d'avanguardia. Bologna, 1962; Weightman J. The concept of the avant-garde: exploration in modernism. L., 1973; Guglielmi A. Avanguardia e sperimentalismo. Mil., 1964; Kramer H. The age of the avant-garde. N.Y., 1973; Duwe W. Die Kunst und ihr Anti von Dada bis heute. B., 1967.

³⁷ Авангардизм // БРЭ. URL: <http://bigenc.ru/literature/text/1797687> (дата обращения: 20.08.2021).

³⁸ См.: Сахно И.М. Русский авангард: Живописная теория и поэтическая практика. М., 1999; Крусанов А. Русский авангард, 1907–1932: в 3 т. М., 2003.

что через такого рода приемы художники бунтовали против официальной живописи³⁹.

Проведенное сравнение объясняет неслучайность возникшего у специалистов затруднения по установлению отправной точки постмодерна и его временных рамок. В каждой эпохе они находят примеры протеста, в связи с чем машинально и ошибочно берутся утверждать об обнаружении более ранних признаков постклассического мышления. Но на самом деле они наталкиваются на авангардизм как предшествующую и родственную постмодерну реакцию на модерн. Каждая из этих реакций в конечном счете не обладает внутренней хронологической определенностью и может использоваться только для подчеркивания характера разрыва некоторых групп общества с действующими в нем традициями.

Если далее следовать ориентирам И. Хассана, то стоит обратить внимание на приводимый им перечень литературоведов, танцоров, музыкантов, архитекторов и писателей, объединенных протестным настроением. Знакомство с их творчеством и с результатами его обсуждения в философии приводит к убеждению о настроенном восприятии мыслителями протеста мастеров искусства, где такая реакция является одной из допустимых, естественных и даже повседневных форм самовыражения субъектом творчества своей индивидуальности. Мерс Каннингем, например, на фоне скуки от классического танца, выражающего связь души и тела, решил избавить его от отдельной личности, сюжета и стереотипных решений. Противопоставил ему фрагментарность и «случайный метод» выбора телесных движений, резкие, разрывные, нарушавшие текучесть и ритм перемещения на сцене, несвязанность танца с музыкой. Через такой подход, как утверждается в источниках, его автор как бы «переписывал» законы человеческой координации.

Таковы некоторые первоисточники постмодерна. Их философская аранжировка есть производный продукт. Либо философия, если ее рассматривать как вид искусства, в ряде случаев сама выступала первоисточником и выдавала собственный сплав бушующих в ней протестных настроений, характерных для постмодерна. Во всяком случае ни один из названных источников, как следует из их содержания, не рассматривал вопросы права, не имел ввиду стоящие перед ним задачи и решаемые им проблемы. Из пояснений, например, Ж.-Ф. Лиотара к его широко известному «Состоянию постмодерна» узнаем, что автор использовал термин «постмодернизм» применительно к кризису расказов и в значении конца XIX в., когда он означал

состояние культуры после трансформации правил игры в науке, литературе и искусстве⁴⁰. Вопросы о легитимации социальной связи и об устройстве справедливого общества, т.е. соприкасающиеся с правом темы он оставил, по его собственному признанию, открытыми.

При этом сами юристы не подходили напрямую и вплотную к местам дислокации протестов в литературе, музыке, хореографии и т.д. Хотя такое мероприятие следует признать полезным для получения достоверных ответов на вопросы о соотносимости идей постмодерна с правом, их приемлемости для права и применимости в праве. Не случайно приведенный здесь опыт творцов танца позволяет задаться вопросами о том, что из творенного ими полезно для юриспруденции. Что и как правоведы, одержимые постмодерном, должны заимствовать из вышеприведенного творчества в первозданном образе? Например, насколько ценным для них является творчество Дж. Кейджа — постмодерниста от музыки и автора композиции «4'33"», во время которой не издается ни один звук. Композитор предложил воспринимать звуки окружающей среды, слышимые во время исполнения, как музыку, а не просто как четыре минуты и тридцать три секунды тишины. В каком виде и что из подобного рода продуктов юристы уже трансплантировали в правоведение без постановки и рассмотрения вопроса об условиях и механизме перевода художественных образов и решений из области искусства в плоскость законотворчества или судопроизводства?

Постановленные вопросы, безусловно, требуют мониторинга и исследования. Но надо учитывать и другой путь появления постклассических идей в праве. Когда их формирование в юрисдикции происходит не путем внешнего заимствования и трансплантирования, а за счет внутренних сил.

Последствия адаптации постмодернистских идей в юриспруденции

Не является ли отказ отечественного законодателя от истины как базового идеала и конечной цели правосудия примером внедрения «постпротеста» в право, реализации в нем провозглашенного Э. Николаисом принципа децентрализации? Ответ очевиден, поскольку известно, что после выкорчевывания истины как оплота права, оно утратило для себя и «центр земного притяжения», и «ось ординат» для суждения, осуждения либо оправдания. Впредь оно лишилось того единственного, чему могло и должно беззаветно, не взирая на лица, служить. В наличии остались лишь мнения сторон, вопрос о ложности которых право не может

³⁹ См.: Швец М. Главное в истории русского искусства. Ключевые работы, темы, техники, направления. М., 2021.

⁴⁰ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фран. Н.А. Шматко. М., 1998. С. 9.

иницировать ввиду отсутствия возможности их проверки на истинность. В порядке децентрализации право призвано вставать на сторону одного или другого конфликтующего лица.

Не встал ли законодатель на путь избавления права от «отдельной личности» и связанного с ней «жизненного сюжета», когда в целях минимизации издержек и процессуальной экономии ввел в судопроизводство т.н. «особый порядок» разбирательства, быстро превратившийся, судя по статистике, в «общий порядок»?⁴¹ В рамках этой процедуры при согласии подсудимого с обвинением постановка приговора осуществляется без судебного разбирательства, т.е. без непосредственного исследования доказательств и события преступления.

Трагедия преступления, иными словами, осталась в стороне. Подсудимый как индивид, скрупулёзный разбор его поступка более никого не интересуют. Само общество к оценке опасности содеянного стало иметь весьма отдаленное отношение. Такое правосудие трансформировалось в формальное и частное дело узкого круга лиц, т.е. децентрировалось. Образующие морально-правовой базис общества представления о «добре» и «зле», всякий разговор о которых избегают постклассики, перестали вырабатываться и поддерживаться в массовом сознании.

Произошла и происходит, таким образом, не только внутриведомственная децентрализация, но и социальная. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что правосудие не воспринимается социумом в качестве его оплота и оно не занимает в его представлениях о справедливости центральное место. По рейтингам доверия к институтам власти⁴² можно судить, что место судебных органов все больше соответствует положению стороннего наблюдателя, или одного из «сценических элементов», говоря словами постмодернистов. Децентрация права превращается в его денитрацию.

В итоге ответов на поставленные вопросы не имеется, хотя количество последних только множится. Например, от чего еще вслед за истиной право должно отказаться? Ведь постмодерн в основном ведет речь только об отказе от всего что

⁴¹ Согласно статистическим данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2018 г. 87.8% дел от их общего количества, оконченных производством, рассмотрено судами в особом порядке. В связи с критической оценкой такой практики законодателем и Верховным Судом РФ взят курс на снижение частоты использования судами названной процедуры. Как следствие, в 2020 г. только 47% дел разрешено по особым правилам, что тем не менее остается высоким показателем (см.: Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 г. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29651/).

⁴² См.: Доверие институтам. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 11.08.2021).

было до него. Например, где и как специалисты должны, по примеру М. Каннингема, разорвать в праве «связь души и тела»? И возможно ли допущение такого решения в уголовном праве, где положение о преступлении и степени виновности лица выводится из сравнительной оценки объективной (телесной) и субъективной (психической) сторон совершенного деяния? Когда изобретение механизма такого сопоставления состояний «души и тела» в момент проступка есть результат многовековой эволюции научно-практической и всей гуманитарной мысли, а в целом — цивилизационное завоевание человечества.

Это те вопросы, которые требуют ответа. Но не менее важным представляется рассмотреть на фоне постклассических предложений то, к чему они ведут право в целом. Не возвращают ли они право к его собственным антиподам? Например, во времена, когда в уголовной юстиции господствовало объективное вменение. Или в периоды истории, когда права и свободы человека не являлись высшей ценностью и не определяли смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Иными словами, не ведет ли постмодерн к тем давно известным образам и подобиам, в противовес к которым право, как неотъемлемая часть всей цивилизованной культуры, исторически и метафизически всегда формировалось?

Постклассика как классика или «старая песня о главном»

Здесь стоит отметить, что аналогичным вопросом задались в 1989 г. участники международного коллоквиума «Деконструкция и возможность справедливости», состоявшегося в Юридической школе им. Б. Кардозо. Их интересовало способствует ли деконструкция, рассматриваемая сегодня как методологический базис постмодерна, «развитию дискурса справедливости, или, напротив, препятствует ему?». Ответить на вопрос попытался французский философ Ж. Деррида. Деконструкция, с его точки зрения, полезна для юриспруденции. Она тем ценна, что дает терминологическую возможность провести разницу между законом и справедливостью. Функциональная значимость деконструкции также обусловлена местом ее нахождения «в зазоре между законом и справедливостью»; «промежутке, отделяющем деконструируемость закона от недеконструируемости справедливости».

В социальной природе, по убеждению мыслителя, невозможно существование закона как некоего конечного и завершенного проекта. Закон всегда деконструктивен, так как основан на текстуальном слое и регулярно требует интерпретации. Стремление к его конечному обоснованию

бесперспективно, поскольку он подлежит применению и регулярному подстраиванию к бесконечному множеству жизненных случаев⁴³. В этом плане деконструктивность как свойство закона способствует его переосмыслению, коррекции, улучшению и совершенствованию, открывая большие перспективы позитивных преобразований в сфере права. Когда же деконструктивность закона переходит в деструктивность и ведет его к некорректной работе, тогда включается недеконструируемость справедливости, которая находится по ту сторону закона и не поддается деконструкции. Она недеконструктивна, ибо сама «деконструкция — это и есть справедливость». В связи с этим справедливость производит деконструкцию закона на конструктивный лад или возвращает его на место и в пределы оппозиции, существующей между природой и культурой. Выполняя апоретическую миссию, деконструкция пересматривает закон через возобновление вопросов о его соответствии истокам, основаниям и границам справедливости, т.е. идиомам самой справедливости, которые всегда ассоциируются с чем-то подлинным, абсолютным, неподражаемым⁴⁴.

Ответ Ж. Дерриды тем интересен, что дает примеры того, как и в каком объеме идеи постмодерна, вытекающие для него из архитектуры, рассмотрены им на полях философии, и в каких пределах затем допущены в юриспруденцию. О наличии некоей разницы в границах заимствования и допустимого уровня погружения постклассического творчества в правоведеление специалисты обычно не говорят, оставляя читателя лишь с обилием литературы и агитационным призывом «За постмодерн!». Вместе с тем, в «Силе закона» философ отмечал, что существует «два стиля» деконструкции. С одной стороны, генеалогический стиль, предназначенный для грамматики. С другой — формальный или структурный стиль, предназначенный для работы с историей и апориями справедливости.

Помимо этого выступление Ж. Дерриды многое проясняет о постмодерне и дает богатую пищу исследователям для формирования собственного мнения о том, способствует ли деконструкция «развитию дискурса справедливости или, напротив, препятствует ему»? Но главным образом пояснения философа разоблачают пафос постклассики в целом и постправа, в частности, их претензию на нечто новое. По суждениям Дерриды, видим, что постмодерн в его авторитетном лице не производит ничего сверхмодернового. Во-первых, он обсуждает классические темы и пытается разрешить «вечные» проблемы права,

касающиеся нестабильной связи между позитивным правом и справедливостью. Во-вторых, ничего необычного для их разрешения мыслитель не предложил. На исходе XX в. он фактически повторил тезисы И.А. Ильина, озвученные им еще в начале этого же столетия о процессах и механизмах деконструкции положительного права с естественно-правовых позиций.

При описании объективного содержания права философ (Ж. Деррида) отмечал, что ему свойственно иметь вид тезиса, выраженного в словах. В правовой норме как грамматическом предложении ничто «само собою» не разумеется. За каждым словом скрывается логическое понятие со своим особым содержанием. Оно нуждается в раскрытии через усомнение в каждом признаке понятия и перепроверку разумеемого в нем логического содержания⁴⁵. И.А. Ильин рассмотрел понятия положительного и естественного права, уровень их включенности и предназначенности друга для друга. Особое внимание уделил проблемам развития права и случаям, когда позитивное право трансформируется в неправое. Описал возможность, порядок и пределы деконструкции позитивного права естественным правом.

«Конфликт между естественным и положительным правом должен быть разрешен в пользу первого...», поскольку «положительное право по самому существу своему есть организованная попытка формулировать естественное право...»⁴⁶. Соответствие одного права другому обеспечивается за счет внутренней в нем способности к правосозданию, в ходе которого в мирном режиме и органичном порядке неверные, несправедливые и устаревшие законы отменяются, а вместо них «устанавливается новое, лучшее право»⁴⁷. Но если, как писал философ, «здоровый и обычный путь обновления законов и государственного строя» становится недоступен, «нормы положительного права приобрели противоестественный характер неотменимости или неизменности, а свойственная их содержанию “неверность” становится бичом жизни», «право не может развиваться далее по праву, а выросшее правосознание не может вернуться вспять», «остается путь непосредственного осуществления новых субъективных прав»⁴⁸.

Вступает в действие, как говорил мыслитель, «иной способ правотворчества». Правосознание, следуя цели права, утверждает за субъектом «другие полномочия, обязанности, запретности» и «приступает к их непосредственному осуществлению». Правосознание, таким образом, «выковывает субъекту новый

⁴³ См.: *Derrida J. Force of Law: the Mystical Foundation of Authority // Deconstruction and the Possibility of Justice / transl. by Mary Quinlan; ed. by Drucilla Cornell and Michael Rosenfeld. N.Y., 1992. P. 10, 14.*

⁴⁴ См.: *ibid.* P. 20.

⁴⁵ См.: *Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 195, 196.*

⁴⁶ Там же. С. 257.

⁴⁷ Там же. С. 258, 259.

⁴⁸ Там же. С. 260.

статус. Оно как бы предвосхищает новый, более справедливый порядок и торопит его наступление, поспешая к нему навстречу»⁴⁹. Конфликт уходящего и приходящего порядков творчески изживается сознанием или переформатируется, говоря языком постмодернистов. В свою очередь, «каждый из людей, если им руководит естественное правосознание, будет искать и найдет возможность приблизить свой положительно-правовой статус к естественному»⁵⁰, т.е. совершить его деконструкцию.

* * *

В итоге получается, что идея постмодерна не дотягивает до нечто «нового» и тем более до высокого миссионерского статуса. Ее предел ограничен идиоматическим уровнем и генеалогически подчинен протесту, который современными юристами предлагается использовать для формирования новых представлений о праве и правовой жизни, а на деле уже эксплуатируется для неограниченного и неопосредованного наукой вброса в неустойчивое правосознание «эпохи перемен» провокационных представлений, в т.ч. о классических антиподах права как его новейших ценностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авангардизм // БРЭ. URL: <http://bigenc.ru/literature/text/1797687> (дата обращения: 20.08.2021).
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998. С. 48.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М., 2006. С. 136–138.
4. Болыц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И.А. Женина; под науч. ред. Я.Н. Охонько. 2-е изд. М., 2019.
5. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / пер. с англ. А. Гусева, Р. Хаиткулова; под науч. ред. И. Чубарова. М., 2014.
6. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2002.
7. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал рос. права. 2013. № 8 (200). С. 43–54.
8. Волков В.Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3–8.
9. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021.
10. Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна» // Соц. исследования. 2001. № 11. С. 3.
11. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина, Н.В. Эдельмана, М.А. Юсима. М., 2010.
12. Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2. С. 130–134.
13. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
14. Ильин И. Общеучение о праве и государстве. М., 2006. С. 195, 196, 257–261, 263.
15. Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // Вопросы философии и психологии. М., 1912. Кн. 112.
16. Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М., 2003.
17. Крусанов А. Русский авангард, 1907–1932: в 3 т. М., 2003.
18. Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.
19. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. 2013. № 2. С. 181–191.
20. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фран. Н.А. Шматко. М., 1998. С. 9.
21. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. М., 2010.
22. Малинецкий Г.Г., Кульба В.В., Ахромеева Т.С., Посашков С.А. Императивы новой реальности. Судьба капитализма. Риски информационного и биологического пространства // Проблемы управления безопасностью сложных систем: материалы XXVIII Междунар. конф., 16.12.2020 г., Москва / под общ. ред. А.О. Калашникова, В.В. Кульбы. М., 2020. С. 12.
23. Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
24. Руднев В.П. Новая модель реальности. М., 2016.
25. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
26. Сахно И.М. Русский авангард: Живописная теория и поэтическая практика. М., 1999.
27. Стёпин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018.
28. Стёпин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 9.
29. Стовба А.В. Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 35, 39.

⁴⁹ Ильин И. Указ. соч. С. 261.

⁵⁰ Там же. С. 263.

30. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 2016. Т. 45. С. 255–277.
31. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. 2-е изд. М., 2018.
32. Фортрестер Д. Мировая динамика. М.; СПб., 2003.
33. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 5–16.
34. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021. С. 41.
35. Черниговская Т.В. Языки человека: мозг и культура // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации / под науч. ред. Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина, О.В. Заширинской. СПб., 2016. С. 13.
36. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 58–60, 71.
37. Швец М. Главное в истории русского искусства. Ключевые работы, темы, техники, направления. М., 2021.
38. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 155.
39. Якунин В.И. Устойчивость политических систем в условиях развивающегося кризиса // Росс. журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1 (6). С. 21–31.
40. Anderson P. The Origins of Postmodernity. L., N.Y., 1998. P. 84–88.
41. Calude C. Theories of Computational Complexity. Amsterdam and New York, 1988.
42. Casti J. Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems. N.Y., 1979.
43. Chermiak C. Minimal Rationality. Cambridge, 1986; Gottinger H.W. Coping with Complexity. Dordrech and Boston (Mass.) D. Reidel, 1983.
44. Derrida J. Force of Law: the Mystical Foundation of Authority // Deconstruction and the Possibility of Justice / transl. by Mary Quittance; ed. by Drucilla Cornell and Michael Rosenfeld. N.Y., 1992. P. 10, 14, 20.
45. Duwe W. Die Kunst und ihr Anti von Dada bis heute. B., 1967.
46. Flood R.L. Dealing with Complexity. N.Y., 1988.
47. Guglielmi A. Avanguardia e sperimentalismo. Mil., 1964.
48. Jameson F. Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 413, 414.
49. Kramer H. The age of the avant-garde. N.Y., 1973.
50. Poggioli R. Teoria dell'arte d'avanguardia. Bologna, 1962.
51. Simon H. How Complex are Complex Systems? // Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / ed. F. Suppe, H.H. Asquith. East Lansing (Mich.): Philosophy of Science Association, 1976. Vol. 2.
52. Weightman J. The concept of the avant-garde: exploration in modernism. L., 1973.

REFERENCES

1. Avangardism // BRE. URL: <http://bigenc.ru/literature/text/1797687> (accessed: 20.08.2021) (in Russ.).
2. Berman G.J. The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from English. 2nd ed. M., 1998. P. 48 (in Russ.).
3. Baudrillard J. Consumer society. His myths and structures / transl. from French, afterword and note by E.A. Borisamarskaya. M., 2006. P. 136–138 (in Russ.).
4. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Russo / transl. from German by I.A. Zhenina; ed. by Ya. N. Okhonko. 2nd ed. M., 2019 (in Russ.).
5. Brenner R. Economics of global turbulence: the developed capitalistic economy in the period from long boom to long downturn, 1945–2005 / transl. from English A. Gusev, R. Aitkulov; under scientific. ed. by I. Chubarov. M., 2014 (in Russ.).
6. Buchanan J.P. The Death of the West. M., 2002 (in Russ.).
7. Vlasenko N.A. Crisis law: problems and approaches to solutions // Journal of Russ. law. 2013. No. 8 (200). P. 43–54 (in Russ.).
8. Volkov V.N. Postmodern and its main characteristics // Cultural Heritage of Russia. 2014. No. 2. P. 3–8 (in Russ.).
9. Gilinsky Ya. I. Criminology of postmodernity (neocriminology). SPb., 2021 (in Russ.).
10. Davydov Yu. N. Pathology of the “postmodern state” // Social research. 2001. No. 11. P. 3 (in Russ.).
11. Dzolo D. Democracy and complexity: a realist approach / transl. from English A.A. Kalinin, N.V. Adelman, M.A. Yusim. M., 2010 (in Russ.).
12. Dubovik O.L. The crisis of Criminal Law and criminal law theory // Law and politics. 2001. No. 2. P. 130–134 (in Russ.).
13. Zhalinsky A.E. Criminal Law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2016 (in Russ.).
14. Ilyin I. The general doctrine of law and the state. M., 2006. P. 195, 196, 257–261, 263 (in Russ.).
15. Kistyakovskiy B.A. The problem and task of socio-scientific cognition // Questions of philosophy and psychology. M., 1912. Book 112 (in Russ.).
16. Krauss R. Authenticity avant-garde and other modernist myths. M., 2003 (in Russ.).
17. Krusanov A. Russian avant-garde, 1907–1932: in 3 vols. M., 2003 (in Russ.).
18. Kudryavtsev V.N. The science of Criminal Law it is time to upgrade // Criminal Law. 2006. No. 5. P. 130, 131 (in Russ.).

19. *Lazarev V.V.* Legal science: the current state, challenges and prospects (reflections of a theorist) // *Lex russica*. 2013. No. 2. P. 181–191 (in Russ.).
20. *Liotar Zh.-F.* The state of postmodernity / transl. from French. N.A. Shmatko. M., 1998. P. 299 (in Russ.).
21. *Lyux S.* Power: A Radical View / transl. from English by A.I. Kyrlezheva. M., 2010 (in Russ.).
22. *Malinetsky G.G., Kulba V.V., Akhromeeva T.S., Posashkov S.A.* Imperatives of new reality. The fate of capitalism. Information and biological risks, the space // Problems of safety management of complex systems: materials of the XXVIII International Conf., 16.12.2020, Moscow / ed. by A.O. Kalashnikov, V.V. Kul'by. M., 2020. P. 12 (in Russ.).
23. Post-classical ontology of law / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016 (in Russ.).
24. *Rudnev V.P.* New model of reality. M., 2016 (in Russ.).
25. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).
26. *Sakhno I.M.* Russian avantgarde: Picturesque theory and poetic practice. M., 1999 (in Russ.).
27. *Stepin V.S.* Modern civilization crises and the new development strategies. M., 2018 (in Russ.).
28. *Stepin V.S.* Civilization in an era of change: the search for new development strategies // *Journal of the Belarusian state University. Sociology*. 2017. No. 3. P. 9 (in Russ.).
29. *Stovba A.V.* Temporal Ontology of Law. SPb., 2017. P. 35, 39 (in Russ.).
30. *Tolstoy L.N.* Full collection of works: in 90 vols. M., 2016. Vol. 45. P. 255–277 (in Russ.).
31. *Trosby D.* Economics and Culture / transl. from English by I. Kushnareva. 2nd ed. M., 2018 (in Russ.).
32. *Forrester D.* World Dynamics. M.; SPb., 2003 (in Russ.).
33. *Khabrieva T. Ya.* Law before the challenges of digital reality // *Journal of Russian law*. 2018. No. 9. P. 5–16 (in Russ.).
34. *Harvey D.* The state of postmodernity. The study of the origins of cultural changes / transl. from English by N. Protsenko; under the scientific editorship of A. Pavlov. M., 2021. P. 41 (in Russ.).
35. *Chernigovskaya T.V.* Languages of the human brain and culture // *Psycho-Physiological and neuro-linguistic aspects of the process of recognition of verbal and neverball patterns of communication / under the scientific editorship T.V. Chernigovskaya, J.E. Shelepin, O.V. Zawalinski*. SPb., 2016. P. 13 (in Russ.).
36. *Chestnov I.L.* Post-classical theory of law. SPb., 2012. P. 58–60, 71 (in Russ.).
37. *Shvets M.* The main thing in the history of Russian art. Key works, themes, techniques, directions. M., 2021 (in Russ.).
38. *Spengler O.* The Decline of Europe. M., 1993. P. 155 (in Russ.).
39. *Yakunin V.I.* Stability of political systems in conditions of developing crisis // *Russ. journal of legal research*. 2016. Vol. 3. No. 1 (6). P. 21–31 (in Russ.).
40. *Anderson P.* The Origins of Postmodernity. L., N.Y., 1998. P. 84–88.
41. *Calude C.* Theories of Computational Complexity. Amsterdam and New York, 1988.
42. *Casti J.* Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems. N.Y., 1979.
43. *Cherniak C.* Minimal Rationality. Cambridge, 1986; *Gottinger H.W.* Coping with Complexity. Dordrech and Boston (Mass.) D. Reidel, 1983.
44. *Derrida J.* Force of Law: the Mystical Foundation of Authority // *Deconstruction and the Possibility of Justice / transl. by Mary Quittance; ed. by Drucilla Cornell and Michael Rosenfeld*. N.Y., 1992. P. 10, 14, 20.
45. *Duwe W.* Die Kunst und ihr Anti von Dada bis heute. B., 1967.
46. *Flood R.L.* Dealing with Complexity. N.Y., 1988.
47. *Guglielmi A.* Avanguardia e sperimentalismo. Mil., 1964.
48. *Jameson F.* Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 413, 414.
49. *Kramer H.* The age of the avant-garde. N.Y., 1973.
50. *Poggioli R.* Teoria dell'arte d'avanguardia. Bologna, 1962.
51. *Simon H.* How Complex are Complex Systems? // *Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / ed. F. Suppe, H.H. Asquith*. East Lansing (Mich.): Philosophy of Science Association, 1976. Vol. 2.
52. *Weightman J.* The concept of the avant-garde: exploration in modernism. L., 1973.

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. – Doctor of Law, research fellow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia